

УДК 008 + 82(091)
ББК 71.0 + 83.3(0)4

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. В. В. Мильков
г. Москва, Россия

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ДИОПТРЫ» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Аннотация: Объектом анализа являются антропологические аспекты широко распространенного в Древней Руси произведения — «Диоптры» Филиппа Монотропа. В содержании произведения выявлены постулаты, которые отражают влияние христианизированного неоплатонизма на автора произведения. С этих позиций Филипп рассматривает душу и тело не антагонистами, а оценивает двусоставную природу человека, как гармоничное душевно-плотское сращение. Показано также влияние гуморальной теории на антропологические сюжеты «Диоптры». С учетом этого делается вывод, что Филипп Монотроп не принимал концепции свободы воли и проблему нравственного выбора трактовал с позиции космического детерминизма. Редкое для христианской книжности возвышение личности рассматривается как фактор формирования национального сознания в эпоху Куликовской битвы. В приложении публикуются извлечения из 5-го слова «Диоптры».

Ключевые слова: Древняя Русь, религиозно-философская мысль, антропология, Диоптра, Филипп Пустынник, христианизированный неоплатонизм.

Информация об авторе: Владимир Владимирович Мильков — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Россия. E-mail: dr_milkov@mal.ru

Дата поступления статьи: 23.10.2017

Дата публикации: 15.03.2018

В древнерусской переводной книжности есть широко распространенное в списках произведение, в котором формулируются оригинальные взгляды на природу человека. Они заметно отличаются от трактовок антропологической проблематики в других памятниках религиозно-философской мысли средневековой Руси. Это необычное произведение — «Диоптра» Филиппа Пустынника. О его идейно-мировоззренческой специфике далее и пойдет речь.

Сочинение получило распространение в восточнославянском регионе с конца XIV в. и дошло до нашего времени небывалым для средневекового произведения тиражом (только выявленных списков более 160 копий) [4, с. 143–166]. В центре внимания автора — антропологическая проблематика, в разработке которой вводится редкий

для Средневековья объем богословских, философских и научных знаний о человеке [3, с. 8–28]. Произведение построено в форме диалога души и тела, который настраивает на саморефлексию и раскрывает перед читателем особенности человеческой сущности [3, с. 201–202 (79–80)]¹.

Согласно «Диоптре» человек характеризуется как существо чувствующее, мыслящее, одушевленное и одновременно как «тленное животное», в котором смешано вещественное и невещественное, словесное и бессловесное, смертное и бессмертное, видимое и невидимое. Ход рассуждений Филиппа Монотропа оригинален. Сначала Бог создает два мира: высший и нижний. Затем «и из того и другого сотворил он человека двойственным, небесным и земным, животным смешанным <...> — и вещественным и невещественным, словесным и одновременно бессловесным, смертным и бессмертным видимым и невидимым, взяв лучшее из высшего, из нижнего же — тело...» [3, с. 233 (112)]. Телесность человека сводится автором к комбинациям четырех стихий, а происхождение души выводится «из высшего небесного мира» [3, с. 230 (109)].

Весьма показательно, что нигде в произведении при характеристике душевного начала мы не встретим общеупотребимого в христианской книжности стереотипа о вдуновении души. Филипп постулирует не механическое соединение двух начал, а говорит о некоем цельном единении двух природ, которые одновременно родственны земному и небесному, но при этом составляют одно целое. Душе приписывается способность самодвижения, вечного движения и способность оживотворять тело [3, с. 233 (111–112)]. Признаки души описываются в понятиях платонизма: «...человеческие души невещественны, словесны, умны, бессмертны, бестелесны и тричастны, <...> обладают они способностями мышления, желания и ярости, а также свободой воли; и у каждой по пять чувствилищ: ум, разум, вера, воображение и понимание, — что иначе называется умственными силами: память, воображение, размышление» [3, с. 278 (157)].

В «Диоптре» неоднократно подчеркивается божественность душевной субстанции, хотя и делается предостережение, чтобы не трактовать соединение души и тела пантеистически². На момент появления прародителей «чем-то божественным была человеческая природа» — так оценивается двуприродная сущность человека в целом. Но и после грехопадения бестелесная и невещественная душа остается почтенной «божественной славой», а из трех, выделяемых вслед за Платоном частей души (умной, яростной и желанной), именно умная имеет общее с ангелами и «более божественна», нежели две другие [3, с. 298, 299 (177, 178)]. В другом месте та же сопричастность умного душевного начала Богу выражена следующим образом: «Походит ведь некоторым образом ум человеческий на Бога, ибо в мгновение обходит он все и охватывает — и запад и восток, и юг, и север, и то, что под землей, и то, что на небесах, и то, куда нет входа, — но не существом своим — вовсе этого не подумай, — а только мысленным представлением, госпожа» [3, с. 238 (117)]. Здесь не только сравнение, здесь, за рамками предостережения не соскользнуть на пантеистические позиции, проводится четкая мысль о максимально возможном в рамках доктрины возвышении онтологического статуса ноуменальной сущности человека.

¹ По причине трудности восприятия оригинала мы делаем отсылки на перевод, его же цитируем при необходимости, а в скобках указываем страницу параллельного древнерусского текста в указанной публикации.

² «...от Бога же — дыхание в жизни бессмертной, самую невещественную бестелесную и божественную душу, — не от существа Его, нет, владычица моя, но от творящей сущности силы Его» [3, с. 298 (177)].

Самое яркое определение божественного качества души принадлежит заимствованию из трактата «О воскресении», автор которого — Григорий Нисский — стоял на позициях христианского неоплатонизма: «<...> ничто нельзя считать свойством души, что не свойственно божественной природе. Поскольку душа является подобием Божиим, все чуждое Богу оказывается за границей души» [3, с. 248 (127)]. Как видим, автор постоянно балансирует между доктринальным требованием разведения божественной и тварной сфер и откровенно неоплатонической методологией отслеживания ноуменального в феноменальном, а в данном случае божественной души в человеческом теле.

Подлинное слияние с божественным, согласно «Диоптре», возможно в постэсхатологической перспективе, когда обновленная человеческая природа вновь воспримет на себе «божественное вдуновение» [3, с. 247 (126)]. В данном случае Филипп Пустынный стоит на позициях Григория Нисского, который вслед за неоплатоником Оригеном считал, что все спасутся. По убеждению автора произведения, праведники сразу после Суда попадают в Царствие небесное. Грешники же — с задержкой. Спустя разное для всех время грешники пройдут в аду заслуженное ими «лечение», а затем воспримут ожидаемое блаженство и неизбежное в связи с этим обожение [3, с. 255 (134)].

При жизни человека автор «Диоптры» допускал возможность большей или меньшей причастности души божественному началу. Он допускал, что душа может быть целиком поработана плотью, но если плотские страсти не победят высоких душевных устремлений — такой человек становится духовным. В жизни преобладают промежуточные состояния. Человек, в котором не торжествует ни одно из двух его начал, оценивается как человек душевный и такое качество считается естественной нормой [3, с. 297 (176)]. Как видим, предлагается дифференциация трех качеств душевно-плотского родства, приближающих человека к Богу. Ни о какой нацеленности на прорыв к трансцендентному в «Диоптре» не говорится. Этим памятник принципиально отличается от произведений исихастского круга, в том числе и от «Ареопагитик». Отсутствие подобных мотивов в произведении логично, поскольку любая душа несла в себе большую или меньшую часть божественного ноуменального³. В духе доктринальных поправок, типичных для традиции христианизированного неоплатонизма, то было не сущностное, но тем не менее единение с Создателем.

С позиции ноуменальной трактовки души автор «Диоптры» на протяжении всего повествования возвращается к мысли о духовно-материальном единстве, суть которого словами Души в произведении выражена так: «невероятен союз нас двоих». Раскрывая смысл этого союза, автор подчеркивает гармонию и взаимозависимость обоих начал в человеке, что на антропологическом уровне является следствием преодоления онтологического трагизма, который в аскетической христианской традиции был связан с абсолютизацией непримиримого антагонизма между телом и душой. К своей гармонической концепции человека, предполагающей нерасторжимое единство обеих частей человеческого существа, Филипп Пустынный приравнивает и объяснение процесса зарождения человека. Естественно, что с точки зрения близких неоплатонизму установок он не мог принять распространенное в Средневековье учение о том, что душа

³ Исключение составляет позднейшее добавление к «Диоптре», где помещены рассуждения Никиты Стифата о мысленном рае. Суть рассуждений сводится к тому, что Царствие небесное открывается в сердце человека [3, с. 308–311 (187–190)]. Описанная здесь возможность прижизненного контакта с ноуменальным и трансцендентным соответствует исихастской парадигме, но в самом произведении оснований для таких выводов, или аналогичных им, мы не обнаружим.

является энтелехией тела и появляется в материнской утробе вместе с появлением у зародыша человеческого облика. По утверждению автора «Диоптры», «в единстве ведь создает Создатель нас обоих. Ни тело ведь раньше души, ни душа прежде тела создались и возникли, как то многие считают, но обе разом, ни одна не будучи первозданной и другой не опережая <...>. Ни бестелесной душа, ни бездушным тело не были и не бывают с самого начала, пойми» [3, с. 325 (104)]. Одновременно явившееся к жизни в единстве духовного и плотского начал живое существо и после рождения развивается в нерасторжимом союзе обеих частей. Душа растет, крепнет и совершенствуется по мере формирования и укрепления телесного организма [3, с. 231 (110)].

Решается в «Диоптре» вопрос и о характере соединения душевного и телесного начал. Филипп Пустынный принимает точку зрения Григория Нисского, что душа не может быть ограничена какими-нибудь телесными органами, поскольку «нельзя пространством очертить бесплотную природу и никакими частями тела ум не содержится, но по всему телу проходя, на всех здоровых органах тела, частях телесных, он осуществляет свое действие» [3, с. 232 (111)]. Поэтому автор не присоединяется ни к Аристотелю и Гиппократу, утверждавшим, что ум прибывает в сердце, ни к Галену, учившему о связи ума с мозгом. Не локализованная ни в каких конкретных органах душа по всему телу действует, подчиняя себе органы чувств [3, с. 231 (109–110)]. В этих своих суждениях создатель «Диоптры» становится на точку зрения неоплатонического понимания души как сущности внетелесной и лишь действующей в теле, находясь одновременно и в нем, и вовне. Вместе с тем Филипп признает, что нарушения мозга или сердца влекут за собой нарушение психической деятельности, а следовательно, и душевных проявлений. Но это уже вопрос взаимодействия материальной и духовной природ человека, о чем надо сказать особо.

Через все произведение сквозной мыслью проходит идея зависимости духовных проявлений от плотского начала. В диалоге Плоты и Души первая постоянно напоминает второй, что вне телесных органов душа остается невидимой и никем не знаемой: «Без меня никак ведь не можешь ты вообще ничего делать житейского и телесного, и духовного также» [3, с. 231 (110)]. «Без помощи моих органов, госпожа, Творца своего и Бога славословить ты не можешь, — если не имеешь меня своей сотрудницей и помощницей» [3, с. 230 (109)] — объявляет Душе Плоть. Автор «Диоптры» облекает вывод о высокой значимости плотского начала в человеке в исключительную любую двусмысленность форму: «если бы ты меня не имела, владычица, не стоила бы ты и медяка» [3, с. 230 (109)]. Плоть разъясняет Душе, что та глядит ее глазами, вещает ее языком, что она всем ее «явила и прославила».

Для христианской книжной традиции дерзким было уже одно то, что все антропологические построения осуществляются не в форме экзегезы, основанной на толковании положений Писания, а в виде образно-эмоционального рассказа от имени Плоты, которая, кстати, демонстрирует хорошее знание Писания. Плотское начало оценивается в редком для христианской литературы позитивном ключе. Уже сам факт союза с почти божественной душой возвеличивает ценностную значимость телесного. Назначение души в душевно-плотском сращении определяется тем, «чтобы она (душа) и худшее как-то к себе привлекла и возвысила, избавив его понемногу от тяжести и грузности» [3, с. 234 (113)]. Значение телесного оказывается настолько возвышенным в произведении, что некоторые исследователи даже склонны были видеть в нем проявление неосознанного материализма [1, с. 27–47; 2, с. 1080–1085]. Такого рода заключение ничем не оправдано. Но душевно-плотское единство в концепции «Диоптры» представлено

столь тесным и взаимозависимым, что в ряде случаев и самим автором делается прямой вывод о том, что физика определяет психику.

Рассмотрим характерный в этом отношении пример. Говоря о том, что исходным строительным материалом всего природного мира являются четыре первоэлемента (четверица материальных первоначал), Филипп развивает мысль о том, что каждое из стихийных качеств четверицы дает начало одной из четырех жидкостей человеческого организма: «От земли рождается черная желчь, ибо она суха и холодна. От воды — холодная и влажная флегма. От воздуха — кровь, по природе влажная и теплая. От огня — желтая желчь, ибо она тепла и суха. Все наши человеческие тела составлены из них, из этой четверицы, т. е. из желтой и черной желчи, из крови и флегмы» [3, с. 280 (159)]. Плоть человека рассматривается как имеющая единую материальную первооснову с Космосом, только четверица стихий в организме субстанциально представлена четырьмя жидкостями, которые в живом организме являются гуморальным тождеством всеобщих первоначал. Каждой первооснове приписываются качества, одинаково проявляющие себя и в природе, и в человеческом организме. Согласно «Диоптре» стихии земли в организме соответствует желчь, которая по своим качествам суха и холодна. Стихийному элементу воды — холодная и влажная флегма. С воздухом отождествляется кровь, которая по своим качествам влажная и теплая. Стихийному элементу огня в человеческом организме соответствует желтая желчь, которая тепла и суха. Как все материальные образования составлены из четверицы первоначал, так и тела людей из четырех жидкостей [3, с. 280 (159)]. С подобными положениями гуморальной теории можно неоднократно встретиться на страницах древнерусской книжности. Но «Диоптра» дает отличную от произведений ортодоксальной книжности трактовку. Суть ее в следующем.

Человек, как уже говорилось, характеризуется автором «Диоптры» как двуприродное существо, в котором смешано «вещное и невестественное». Это общий постулат для представителей христианской экзегезы. А вот дальнейший ход рассуждений не тривиален. В этой своей двойственности человек уподоблен мирозданию, в котором над феноменальным миром Творцом поставлены ноуменальные творения. Поэтому венец творения является одновременно «небесным и земным» [3, с. 233 (112)]. Из этого параллелизма выводятся идеи, созвучные апокрифу «Галеново на Гиппократа».

В трактовке «Диоптры» разные пропорции жидкостей определяют отличие людей друг от друга, а с качествами преобладающей в организме жидкости увязывается нрав человека. Например, преобладание теплого элемента предопределяет жизнелюбие и щедрость, а преобладание влажного начала делает человека ленивым и прожорливым и т. д. Согласно «Диоптре», соотношение жидкостей у всех людей разное, а на проявление душевных сил оказывает влияние избыток того или иного гуморального начала в человеке. Как видим, здесь автор «Диоптры» отступает от доктринальной концепции свободы воли и проблему нравственного выбора трактует с позиций антропо-космической симпатии, которая является не чем иным, как одной из разновидностей детерминизма. В рамках подобного детерминизма склонность к тем или иным поступкам объясняется предопределенностью естественных факторов, а именно положением светил в календарные сроки, программирующих баланс жидкостей в организме. В конечном счете такого рода установка восходит к астрологической методологии, принципы которой в произведении никак не проговариваются. Непроговоренная астрологическая установка «Диоптры» выражалась в том, что характер человека объяснялся запрограммированностью временем зачатия, которым задавалось смешение жидкостей организ-

ма, а соответственно, и врожденный нрав. Автор, правда, пытается смягчить противоречие и предопределенность душевных качеств называет «естественными задатками» [3, с. 282–283 (161–162)]. Таким образом, он пытается отмежеваться от концепции жесткой предопределенности, но, несмотря на оговорки, нравственный детерминизм «Диоптры» нельзя принять как доктринально безупречный. Трудно согласовать с ортодоксией утверждение создателя этого сочинения, что человек от рождения является гневливым, блудником либо в каком ином нравственном облике. Как врожденные задатки регулируются свободным волевым началом — эта проблема даже не затрагивается в произведении.

Ближайшее соответствие подобным взглядам находим в апокрифе «Галеново на Гиппократата». В нем заболевания и личностные качества ставятся в зависимость от того, какой элемент сезонно господствует в годовом календарном круге. В рукописных подборках конвой апокрифа является развитием его идей с точки зрения космо-природного единства и содержит расчетные дополнения для определения благоприятных и неблагоприятных сроков для человека. Астрологическая специфика в комплексе этих сочинений выражена недвусмысленно. В силу параллелей с «Галеново на Гиппократата» данные установки можно сближать и с детерминистическими мотивами «Диоптры». Совпадения проходят по линии созвучия мотивов стихииологии и антропо-космического параллелизма. Речь может идти об определенной близости идейно-мировоззренческих предпочтений. Мотивы небезупречно ортодоксального содержания в «Диоптре» Филиппа Пустынника определенно присутствуют, хотя в общем контексте эти отступления от доктрины завуалированы.

Если оценивать религиозно-философскую специфику памятника в целом, то свойственный средневековой церковной литературе онтологический дуализм, нацеливавший на противопоставление духовного и материального начал бытия, «Диоптрой» в определенном смысле преодолевается. Плоть и Душа представлены не враждебными, а равнозначными и взаимодополняющими друг друга сущностями, находящимися в состоянии обоюдopoлезного сращения. Подобного рода установки формировали представления о человеке гармоничном и чуждом переживанию трагедии душевно-плотского антагонизма. Человек рассматривается Филиппом Пустынником отнюдь не как «искалеченное» бытийным несовершенством существо, а как венец творения, величие которого поднято до уровня антропо-космического тождества. Пессимистическому пониманию человека как греховного существа в аскетической литературе здесь противопоставлен человек вселенский, с оптимистической открытостью окружающему его миру и постэсхатологическому будущему.

Закономерно поставить вопрос: в каком культурном контексте подобные идеи могли получить свое развитие? И такая идейная среда в Древней Руси существовала. Гуманистическое отношение к творению Божию соответствовало духу того направления древнерусского монашества, в среде которого не драматизировалась онтологическая вторичность материального в отношении к идеальному и преодолевался соблазн полного отрешения от мира. Таковым было колонизационное движение последователей Сергия Радонежского на Русский Север, которые уходили от мира для самосовершенствования, чтобы затем служить миру. Именно в хранилищах этих монастырей чаще всего можно было встретить списки «Диоптры». Не исключено, что вдохновленные жизнелюбивыми устремлениями подобного рода текста его читатели поднимали соотечественников на борьбу с ненавистным игом, иссушавшим саму душу русского народа. По крайней мере мироотреченная установка служить идеологическим знаменем

собрания сил на борьбу с поработителями не могла. Есть достаточные основания считать, что «Диоптра», с характерным для нее отходом от рассуждений о несовершенстве природы человека и редким для христианской книжности возвышением личности, идеями своими подпитывала осознание собственного достоинства в эпоху национального подъема.

ПРИЛОЖЕНИЕ
«ДИОПТРА» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. ПЯТОЕ СЛОВО

Текст «Диоптры» приводится по рукописи РГБ, собр. Гранкова № 46, XV в.

(Л. 382в) пѣтого/слова. соутъ оубо. вси/ стихове. ѿ лг въ/прашага оувидѣти како/ горнага англскага сло/веснага соущества прѣ/дъоустроилъ естъ бѣ./ долнага же сдѣтель/ствоуетъ и еще словет/снага и сиа соущага. / Оубо равны ли соутъ дша/ всѣмъ члвкомъ. вво/моу оубо или имоутъ/ различіе премѣ/ніа в/ тѣхъ соущствѣ и е/ствствѣ. оубо бгъ ли/ естъ виновенъ въ еже/ быти члвкомъ. ввомоу/ оубо прѣдрог. и цѣло/мдреноу. ввомоу же боюю/ и влоудникоу. дроуго/моу и неподатливоу и // (Л. 382г) соуровоу. иномоу паки/ гнѣвливоу и гаростноу. / дроугомоу же простоу/ и кроткоу. гла же паки/ како естъ различенъ/ въ члвцѣхъ. іако в нѣ/ же хощетъ бѣ ествена/га преставлаетъ. ѿ го/рихъ на добрѣшиее. / Оубо кто естъ виновенъ/ въ страсти и спаданіа/ ражаемыхъ члвкъ. / Злыи же врагъ како всѣ/ваеть въ сѣрца наша не/подобнага помышленіа. / и како бѣ попоустити его/ ратовати на члвкъ. / Дша како поминають/ своихъ съблзнь или/ паки дроугихъ прѣдны/ дша. и како ш ни хъ мо/молатса кромѣ соу/ще телесыхъ. и аще оу/бо что дѣиствоуютъ/ тамо ннѣ или ни. // (Л. 383а) аще оубо со хмъ дша стхъ. / ино прочее что естъ бо/лшее еже хотатъ при/гати възданага троу/домъ во второе хво при/шествіе: іако хъ не/ вниде с разбоинникомъ/ въ еже на земли чювь/ственыи раи. но ни же/ ина кага дша правдны. / по погребеніи же его/ и въскрѣнн. что естъ/ мысленыи раи. и иже/ в немъ садове. и снхъ бо/жественни плоди. при/ложительно видѣние. / дша: Почто слоужителні/це словесныа силы ѿ и/нѣхъ предъоустрои. или/ ѿдѣли паки англскага/ оубо гла бѣ и влдка./ члвчкиа же дша словесны/га оубо и сиа. всакъ ны/нѣ прѣ/гаеть сдѣвага / и еще. пло, Прѣвидѣ // (Л. 383б) всако бѣ словесныа/ силы іако члвци тѣмъ / почюдишася зѣло. бе/значалныи вѣмѣни/вше и нерожены сиа/ прочее злѣ многага и/ начала. и бы же тмами/ народодержанно и бе/зчинно твораще гже / вмѣсто оучиненого/ введоутъ в житье иже/ и чювьственныи похва/ливше миръ. и ставше/ оубо в немъ ба безна/чална быти. и еще же/ нероженна сего вѣ/нивше нѣкако. в мечь/таніе бесловесно оукло/нишася и прелестъ./ сего ради оубо наша дша/ словесны соуща. и еще и/ ннѣ прѣлагаетъ на пока/заніе его. силы же и свѣ/та. и еще же и оучите/льства. англкихъ оубо // (Л. 383в) преже предъоустроены. / іако единого сдѣте/ла бывша оубоавса./ и ѿ единого силы нача/ла и власти словесное/ и оумное произыде вса/ко етво. и іако прои/зынде іако да не вѣроу/ете. на насъ взираю/ще в новѣхъ прозба/ющіи. иже преже бы/вшимъ соуществомъ/ подобнѣ. выше члвка/ сѣще самого стоупаете. и/ даже до нача/а перваго. / іако мощно въсходите/ оубо. члвчтїи оубо дши/ вновѣ бывши. прочее/ же и иже преже тога сло/веснымъ силам. не/пщюи и от сдѣтеля на/чало пригати. ничто же/ празно или дѣлаеть/ и всоуе. сила гдыне мога/ ни лѣтомъ ни вѣком. // (Л. 383г) зижителл

же ра/ди паки помрачається/ тако смедлена. и непри/лѣжна и нерадива. и/ лѣ^нва и слава. кажда по/ преложению волю дѣлѣ/ ради. или чѣ^т избира/еть или бесчѣ^те оубо:. / тако соущи самовластна/ приносить. еже хощеть./ таже и телеса которыя/ждо сице. дши соущьсь/тво и зракъ. никто же/ ѿ члвкѣ вѣсть. но токмо/ тою твѣрць и бѣ и влѣа:. // (Л. 385в) [дша:] И аще тако же наоучи ѿ дша/ хъ рабыне тако не разнь/ствоуеть. но вса равь/нѣ тричастное имоу/ по всемоу равно и еще же/ и чювьства едина кото/ражда есть. прочее/ дол'жно бѣ и всакъ/ члвкѣ равенъ быти. въ/ разоумѣ же и смыслѣ/ и мдрѣти вкоупѣ. и въ/ зрастѣ же паки и добь/ротѣ и частѣ. тако дша/животворить блго зѣ/ло и питаеть. и возвраща/еть и красить тако во/лнть и хощеть. и оукра/шаеть то оубо. и свѣ/тло показоуеть. и тво/рить то вбравданно./ и та вбладаеть имъ./ водить и носить и дви/жеть. и преставае/ тако же хощеть. тако/жде же и глаголно и дѣ// (Л. 385г) иствено во всемъ. тво/рително всако дѣланіе./ еже аще хощеть и еѣа/ хощеть и та иде же хо/щеть паки. и сеа во кро/мѣ непотребно и недѣ/ иствено нѣкако. еѣа/ же вижю различие пе/стро въ члвцѣхъ. вво бо/ есть смыленъ и ра/зоуменъ. вкоупѣ цѣ/ломдрѣ. паки инъ пре/моудрѣ до зѣла. скоудо/оуменъ же инъ. в чювь/ствѣхъ же разньства раз/лична. быстро зрѣть/ оубо мнози. не тако же/ ини слышателное же/ дроузии въ вбонѣни же/ инни. заграждено/ и мало имоутъ ѿ многѣ/ вси. и вставляю вкоу/сѣ и всазаніе. и та ина/та инако. но несравненіе/ много во всихъ сихъ есть. // (Л. 386а) единъ оубо блгогласенъ./ дроугии же злогласенъ./ ввѣ же травливъ инъ/ же флекавъ гоугнивъ/ же паки дроугии. к си/м же инъ заакъ/ливъ. бобливъ же есть/ дроугии. и фолетъ/ дроугии и момлетъ па/ки инъ. нѣм же паки/ дроугии и безгласенъ/ всако. и дроугии тонъ/когласенъ. пространно/гласенъ же инъ. въ "зра/стохъ же паки инако ви/жю. ввѣ же кратокъ/ ввѣ же долгъ. средній/ възрастомъ же инъ./ бѣлѣ видомъ инъ чер/нѣ же паки дроугии. и/инъ есть плешивъ. ча/стовласъ дроугии. инъ/ смердаща оуста им/еть. блгооуханна же дроу/гии. и вши въ иныхъ мно// (Л. 386б) жество. въ дроугихъ же/ не тако. цѣломоудри/ оубо едини. блоудни же/ дроузии; гнѣвли/вы и гаростны вижю и/нѣхъ. и инѣхъ простъ/то иныа и кроткы ви/домъ издѣтѣска. и ины/та храбры и моужьстве/ны. страшливы же и/ немоужьствены ины/та. вставляю же многа/ знаманиа и оустроа./ различна соуща и многа./ не требѣ бо есть та/ писати. да некако в до/лготоу изидеть слово/ мое. ты же ма наоучи/ прочее истинное ѿ сихъ/ дша оубо тако же рекла/ еси всѣмъ равны вса/ко. дѣиства же ихъ ви/жю неравна. тако ѿ четы/рехъ сложена видимы/хъ стихиухъ. ими же // (Л. 386в) съставлена бывши ми/рьскихъ великихъ. глѣ/ же теплаго и стоудена/го. и мокраго и соухаго./ таже соутъ вгнь и възъ/доухъ. и земля и вода./ ѿ нихъ же ражаецса же/лчь желтаа же и черна/та. к симъ же кровь и хра/каніе. сравнаюшася/ тѣм. плѣ. вонми/ оубо гже моа разрѣше/ніе симъ зде. створи оубо бѣ всю видимоую/ тварь. таже и невиди/моую таже самъ/ вѣсть единъ. и вса/ ѿ единьственаго соущь/ства съдѣлана быша/ вѣма мирома глѣ. го/рнаго и долнаго. вва/ оубо ѿ телесъ. вва же/ ѿ бестелесныхъ. вы/шнаго мира разоумѣ/ван. долна^{го} же вса теле// (Л. 386г) са чювьствена. и ни же/ горнаа телеса. ни бе/стелесна долнаа. еди/нъ точию члвкѣ ѿ соу/гоуба соущьства съ/ставленъ бы. и есть/ства ѿ бестелесна глѣ. / и телеса гже моа го/рнаго и долнаго. тѣ/ло ѿ долнаго. дша же/ ѿ горнаа го. в семъ ви/димѣмъ. ѿ несоу/щаго всако съста/вы оустрои четыре пре/славнѣ. тако же сѣтѣ/ вгнь въздѣхъ. зе/мляю и водоу. земля/ соуха и стоудена./ стоудѣна

и мокра во/да. въздоу^{хъ} мокръ/ръ же и теплъ. вгнь/ же теплъ и соу^{хъ}: // (Л. 387а) ражаецса Ѹбо ѿ зе/мля чернаа желчь соу^{хъ} / бо ѿ та и стоу^{дена}./ тако же и м^{ти} еѧ. хра/каніе же ѿ вѣды стоу^{дено} и мокро соу^{ще}. кро/вь же ѿ въздоу^{ха} мокра/ и тепла ѣствомъ. ѿ в/гна же желтаа желчь./ тепла и соу^{ха} бо та. ѿ ни/хъ же телеса наша всѣхъ/ члѣвкъ с^{та}вленіе, имоу^{ти}//(Л. 387б)тъ си^{хъ} ради. таже соу^{тъ} желчь желтаа же/ и чернаа. к сим же и/ кровь и х^{ра}каніе четве/рица сѧ. пако и сама/ прѣрече преже мала въ/ словѣ. ѿ с^{та}вѣ оубо/ плоди стоѧтса гже./ животнымъ же теле/са ѿ сокровъ четырех./ и в^{ла}сть даже ест^ь/ прочее четверемъ симъ // (Л. 387в) с^ъставомъ. тако же/воеводамъ нѣкимъ/и колесничникомъ. тако/ же самъ възс^{хотѣ} пра/вити же и водити. и в/кормлѧти еже ѿ ни/хъ рожьшееса соу^{ще}/ство. тако ѿ ѿць нѣк^и/ оубо телесное ѣство./ иматъ же лѣто. ч^{еты}/ре вре^{ме}на измѣ^{не}на. весъ/ноу и жатвоу с ними же/ и всень же и зимоу./ весна ест^ь мокра и те/пла же. тако же тепла/ жатва и соу^{ха} бываѣ/ по ѣствоу. к сим же/ и всень соу^{ха} въкоупѣ/ и ст^ъдена. стоу^{дена}/ же ест^ь зима и мокъ/ра по ѣствоу. симъ ра/с^ъмотреніа рекоу^{ти}./ пространнѣе тако же/ прѣдно ест^ь. и качьс^ь/тва ихъ во время бл^{го}//(Л. 387г)потребно. и ѣствомъ/ словьствоу^{ти} ти. ели/ко по силѣ гоже. в слове/ семъ. напредъ. въ гла^{ви}/знѣ .ѿ и ннѣ же при/ложимъ искомое те/бѣ здѣ. и речемъ тако/ въскорѣ ѿ ни^{хъ} же бѣ/ подасть. симъ ч^{еты}/ремъ временемъ посъ/лѣдоу^{тъ} раствореніе./ и качество же паки./ вса^чскимъ телесе/мъ. кровь растетъ/ в весноу. желчь же въ/ жатвоу соу^{ха} бо та е/ст^ь и тепла. желтоу^ю/ глѣ быти. чернаа/ же желчь всень възра/стаетъ. х^{ра}каніе же/ и то во время зимное;/ въ си^{хъ} оубо ч^{еты}рѣ/хъ сего лѣта прѣмѣне/ніа бывають. и вбра/щеніа с^ъставомъ. про// (Л. 388а)ч^{ее} вины ѣственыа/ послѣдоу^{ють} телеси./ и такова часть преполь/наетъ ѿ ч^{еты}рѣхъ/ си^{хъ}. внегда зачати/е и совокоупленіе слоу^{читса} таковоу^ю сдѣ/ловаетъ дшю ноу^{жею}./ тогда оубо^{ашче} слоу^{читса}/ вѣма с^{че}таніе. бл^{го}/растворѣнѣ слежющю./ иматъ и мокротоу ра/вноу теплотѣ. таково/ ражаемо бываетъ по/ ѣствоу. аще тепло/ ѿ сти^хни тогда оумно/жаецса. красна и моу^{жь}ствена. и бл^{го}пода/тлива ражаетъ. стоу^{дено}е же ч^{тот}на и с^ъ/тоу^{денѣ}ниша паки. соу^{хоу}е же и горчанша и лю/та поражаетъ. мокро/е же чревоу^{бѣ}адлива/ и моудна и вѣчна. и тако // (Л. 388б) же оубо бѣ ра^вдимы/ тварен вѣщественыхъ/ своѧ силы и дѣиства/ своѧ показоу^{еть} по ѣ/ствоу. на нѣси и взоу^{сѣ} и слн^{ци} же и лоу^{нѣ}./ вѣтры же и дожди. на/ земли и в мори. самъ сы/ ѣтвенѣ невидим/ ѿиноудъ. сице оубо и/ дша. таже по вбразоу/ его невидима соу^{щи}. и/ незрима вса. ради тѣ/ла своего видимаго/ сего. дѣиства своѧ па/влаетъ. тако^{*} ест^ь пра/ведно в моззѣ главъ/нѣмъ оубо оума вл^{коу}./ зижителя иматъ все/гдашнаго то же лю/бимаа и силы его. три/ оубо сѧ и первыа. пам^тное мечтателне. и/ размысленое же и шко/рмлаетъ и оуправл^а// (Л. 388в)етъ въ прочи^{хъ} оудѣ/хъ дѣиства своѧ. тако/ же бѣ в мирѣ. помы/сленое же свое иматъ/ въ сѣрци. желателное/ же въ ятрѣхъ нѣка/ко. смѣховное же па/ки слѣзиноу мира ра/зоумѣван. ѿдыхате/льное оубо сѣ доу^{шни}/комъ. паки же оубо пло/дное в боу^{брѣ}го самѣ/хъ к сим же и таростъ/ное и възрѣніе вного/ въ крови самои таже/ ест^ь шкрѣтъ сѣрца. и па/ки познавателное въ/ шчю. тако же веси. пазы/комъ же тоа гла^{ное}/ вѣтавлаетъ. оуши/ма же слышателное./ и просто надо всѣми/ частми же и соуды тѣ/ла дѣиствоу^{еть} свое./ но оубо растворение // (Л. 388г) [е]ст^ь различно телесно/е. и противоу качьс^ь/твомъ единого кого/ждо ихъ. и та всако/ дѣиствоу^{еть}. подо/бнѣе равнѣ. и рекоу^{ти} притчю и разоумѣ/еши реченоу^ю мноу./ тако же бо дожди бѣ/ сѣ нѣси водоу на

лице/ земное. единовидна/ соущи. многовиднѣ/ иже дѣнствоуеть/ во всемъ мирѣ. на/ тмами различнага/ древесна и былѣе. еди/на же есть вода повсюдоу./ но оубо котороеж/до сихъ садове и древе/са ественѣ тоу во/доу влѣки. на сѣон всѣ/мъ преложи нѣка/ко видѣ въ шбраз же/ и величество. и роу/маньствоу оустро// (Л. 389а)га. горкоу сладкоу же./ и теплоу и стоуденоу/ же по ествоу. блгово/нноу оубо во многихъ. не/блговоню же во инѣхъ/ в дроугихъ же лютоу и/ терпоу в нѣкихъ. и вы/ваеть тако же речеса/ въ кринѣ бѣлѣгаса./ и чермна в шипцѣ и ба/грана в коукоурѣчи./ назельна же к симъ/ и чермна и сина въ дроу/гихъ. и в маслици ма/сло. и в лозѣ вино. во все/мъ всака бывши. еди/новидна соущи. не самъ/ бо дождь приложи себе. / и инаковъ на землю и/сходит. но приемлю/щихъ творомъ и оусъ/троениемъ прмдримъ./ и совносимъ с кимъ/ждо. по растворению/ бываетъ. тако же по// (Л. 389б)требно есть. подобе/нъ во всѣхъ. и питае/тъ оубо вса. и възвра/щаетъ ключимѣ. и до/броую и злоую былѣ. по/ествоу и древа плодна/га к симъ. и бесплодна/га тако же прочее не леть/ естъ рещи. елма вода е/дина есть лѣпо баше/ и творм былнымъ/ и древеснымъ. и симъ/ единѣмъ быти. а не ина/ко и инако. въ шбразѣ/ же и в величествѣ роу/маньства оустроеніе/ же сладка ни же горка/ ни тепла или стоудена./ но тако же та единовидна/ и сина. аще сина кто по/мыслить. не мню мдра/ быти его. но безоумна/ того речемъ. и блдоу/ща. сицево оубо ми разоу/мѣван и ш дшахъ гдыне // (Л. 389в) всажаютса в телеса/ и срастваряютса. ш/живляютъ же и пита/ють и възращаютъ та./ качество же и ество сво/е имъ. таково же естъ те/лесное. не премѣняютъ/ ѿиноудъ. аще тепло./ аще стоудено соухо мокь/ро или инако. аще блго/вонно. па^{кы} же или смерда/ще естъ. или бѣло или/ черно. зловидно или кра/сно. на се бо не приаша/ силоу или власть. но про/мыслъ бѣи. сставомъ/ аще оубо иматъ блго/растворена четыри сти/хия. крово и хракоти/ноу. и желчь желтоую/ же и черноую. тѣло и/ блгосчетана. и доврѣ/ растворена. и равна оу/ оубо мѣроу соущнымъ/ сихъ положениемъ. // (Л. 389г) и рать нѣкага нѣ^с въ/ шбонхъ тогда. тако да/ възстаемъ. злѣ едино/ на дроугое. ради преоу/множения или шскоу/дѣннѣ. многожы. но/ мироуютъ вкоупѣ дроу/гъ дроуга ш гже. тога/ естъ все тѣло здраво./ и чювства рѣдка естъ/ и тонка же и цѣла. и/мать тако же потребно/ естъ съ главнымъ мо/згомъ. и вредъ нѣкии/ нѣ^с оудовъ естъ сихъ./ но сдравіе что и блго/превываетъ цѣло. по/добнѣ части ноутрь/нага вса. сѣрце. гла и слѣ/зеню. и дшникъ и га/тро. и сырище. и прочаа/ вса оутробныа части./ тогда оубо дѣнствоу/еть дша по ествоу. по/казающе в тѣлѣ есь// (Л. 390а)тѣства своа. тако^{ва} оубо/ и силы же вкоупѣ. ѿды/ханіе естъ здраво. цѣ/лѣ же и смыслъ. и шбы/чан блгооустроинъ./ блгъ же и шбрадованъ./ тако бесловесныа части/ дши качествоущи. а/ще ли сина немощною/тъ. нѣкихъ ради винъ./ не можетъ в сихъ и ес/твѣнѣ дѣнствовати./ и рекоу ти притча и ра/зоумѣши реченага./ велико слнце и само е/стъ тако же вѣси. има/тъ и двѣ дѣнственѣ/ велицѣ. таже исперва/ приатъ свѣтити и/ грѣяти. и все лице зе/мное просвѣщаетъ/ и грѣеть. иматъ же/ земля различны пола./ и оудолн и холми. горы/ и лоуки. в нихъ же оубо // (Л. 390б) соутъ въздоухъ чтъ/ блещаса. синаетъ в ни/ свѣтлѣ и грѣеть тако/ прѣдно. а в нихъ же оубо/ мыгла естъ или боура/ или примракъ. или па/ки шблакъ темень въ/збраннага зарн. не сина/еть в нихъ ни^{ка}ко ни же/ грѣеть ѿиноудъ въ/збранжемо ѿ нихъ. но/ тѣмнѣ нѣкако свѣ/титъ. но не оукарае/мо слнце неповинно бо/ то естъ но възбрана/ющага оубо того лоуча/мъ. тѣло миръ разоу/мѣи грады же его и съ/траны естъ

чювьствы/ и части вноутреннага./ мъглоу и мракъ и боу/ра. телеснага стрѣ/таніа и слнце свѣтлѣ/ишее дш^вныа силы./ сицево оубо ми разоумѣ // (Л. 390в) въ дшахъ подобное. и/де же добрага и блгорасъ/творенага телеса сѣть./ и нѣ немощно ни расла/блено в нѣчсомъ ѿ части/ оудовъ. вноутренихъ/ или внѣшнихъ. в тѣ/хъ вса дша ѣственѣ/ дѣиствоюють. тако по/казахомъ выше оубо/ въ словѣ. в несоущихъ/ же сице влчцѣ. не та/ко но инако. но гавла/тиса члвкоу или боую/ или смысленоу. или цѣ/ломоудроу и разоумноу./ или блоудникоу паки/ гнѣвливоу и гаростноу/ кроткоу и тихоу же./ блгооумноу. домысле/ноу или недомысленоу/ емоу. не пщен ба тѣхъ/ сице оустроати. и члвкоу/ швомоу оубо даати ве/ликага и лочшага даро// (Л. 390г) ваніа. блгодѣтельс/твоуа больми. иномоу/ же непотребнага. и го/ршага даати. сие бо/ непрвдно и зѣло нена/вистно. и аще сиа сице/ бывають. соудомъ ха/ моего. и равнымъ нера/внага подага. неправе/день оубо но ни оубо/ гже моего безмѣсть/га сего. тако же бо слнцю/ далъ естъ свѣтити/ и грѣ^ати. дѣиство изъ/начала прочимъ подо/внѣ. земли сѣмро/дное ращеніе в сѣме/нѣхъ. садовоу же пло/дное малы и великимъ/ вкоупѣ. свое дѣистъ/тво коемоуждо просто/ ѣствоу. сице далъ естъ/ прочее и четыремъ съ/ставомъ телесное испе/рва. раствореніе же и по// (Л. 391а) ложеніе и ращеніе и съ/ставленіе и разроусий/ по хотѣнію своему и/ промыслоу тако же вѣ/стѣ. ничто же оубо непро/мысленоу. ничто же/ небрегомо. вса сматра/еть шко его неоусыпа/ющее и всѣмъ прѣсто/ить бѣ дага по достога/нію вса. по подобію и/ добрѣ. промыслета дѣ/ла. тако вы^ати во всѣхъ/ клоучимѣ и с подобіе/мъ. аще оубо прмдръ/ и блгъ бѣ единъ ѣство/мъ. тѣм же заеже бла/гоу быти емоу. в лѣпо/тоу промысленикъ все/мъ естъ. тон заеже вы/ти прмдроу. прмдрнѣ/ иже ш всѣхъ печетьса/ и промышлаетъ. ключи/мое. аще ли что не промы/шлаетъ. не блгъ естъ // (Л. 391б) и аще нѣ и добрѣ. ни пре/моудръ паки оубо. про/мысль оубо естъ иже/ на всѣхъ соущихъ при/лежаніе. и полеченіе⁴ бы/вающее. боудущихъ/ оубо мы ничто же вѣдоу/ще ѿиноудъ. къ единѣ/м же блюдоуще насто/тащимъ здѣ правѣ не/ соудимъ тако же подо/баеть слоучающимъ/ ѿиноудъ. бгоу же боудоу/щага тако настогащага/ соутъ. и соудитъ та до/брѣ. шбразы ими же/ вѣстѣ тон единъ соу/тѣ же невѣдомы нами/ соудбы его.

[«ДИОПТРА» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. СЛОВО ПЯТОЕ]

(Л. 382в) Всех стихов в пятом слове 2033. [В них] вопрошал — как понять то, что небесных ангельских словесных существ Бог создал прежде всех [творений], а земных словесных существ продолжает творить и сейчас. [Еще выяснял] — у каждого такая же душа как и души всех прочих людей, или различаются они по своему существу и природе? [Потом выяснял] является ли Бог причиной того, что один человек бывает премудрым и целомудренным, а другой — безумный и блудник, либо упертый и (Л. 382г) суровый, [либо] гневный и неистовый, тогда как кто-то иной добр и кроток. Еще [рассмотрел вопрос] отчего различны у людей голоса. [Говорится и о том], что в ком захочет Бог — в том природные качества изменяет: от худших к лучшим. [Следующая тема] — кто виновен в невзгодах (несчастьях) и бедах (напастях) представителей рода человеческого. [Объясняется], как враг земной всевает в наши сердца дурные помыслы и почему Бог позволяет ему вредить людям. [Повествуется и о том] как [грешные] души вспоминают свои проступки; а так же о других душах — праведных, и о том,

⁴ Так в ркп., д. б. попеченне.

как о них молятся, [и как молятся] те, кто бестелесны, да еще о том, свершается ли там ныне что, или нет. (Л. 383а) [Рассматривается вопрос]: Если уже ныне со Христом прибывают души святых, можно ли ожидать большего воздаяния за труды во второе пришествие Христово? [Повествуется о том], что Христос не вошел с разбойником в тот рай, который на земле и может восприниматься чувственно, поэтому никакая другая праведная душа [не находится там] после Его погребения и воскресения. [Разъясняется], что в иносказательном смысле значит мысленный рай и те сады, которые в нем и те божественные плоды, что в этих садах.

Душа: Почему, служанка, словесные силы Владыка Бог создал прежде всего, а впоследствии отделил от ангельских человеческие души, которые словесные как те, и доньше являет подобное, создавая каждую [душу]?

Плоть: (Л. 383б) Бог прозорливо предвидел, что люди теми словесными силами чрезмерно восхитятся, сочтут их за безначальные и нерожденные и разное другое злое [выдумают]. Вместо [одного] начала десятки тысяч богов, по подобию народовластия (демократии), [создадут] и безчинно (т.е. вопреки допустимому) поступая так, госпожа, не установленное [единодержавие] возвеличат, а чувственный [в своем разнообразии] мир. Пленившись же им, будут считать оный в жизни своей богом безначальным и еще не рожденным. [И так], провозглашая невозможное, к фантазии [достойной] бессловесных склонятся, [проповедуя] ложь. Потому наша душа словесна, что этим [Бог] до сего времени являет [нам] силу свою и светлость, да еще научает, что ангельские сущности, (Л. 383в) которые были прежде всех созданы, от одного Творца все происходят. От образующих единство Силы, Начала и Власти [по воле Творца произошло все, что имеет] словесную и умную природу. Так произвел, чтобы те, кто не верует, взирая на вновь появляющихся, которые были подобны прежде бывшим существам, восходили бы [мыслью] по своим возможностям к тому, что выше человека и даже до самого Первоначала. Человеческие души появились не сразу, прочие, представляющие те же небесные силы, появились раньше. Понимай, что они от Создателя получили свое начало. Ничего же бесцельно, дурно и напрасно не свершает [Бог]. (Л. 383г) Сила Создателя и Творца, госпожа моя, годами да веками не слабеет и не кончается, а искусство творения его вовсе не прекращается. Души [Бог] не творил единосущными себе. Не подобны они ему, но насколько это возможно воспринимаем их как образ, и если только умствуем сопоставляем с Богом (т.е. только в сопоставительных суждениях позволительно сопоставлять с Богом). Во всем подобное бессмертному — тоже бессмертно и вечно. Смертное ведь неподобно бессмертному, но противоположно, владычица, и ничем не соответствует. Таким образом, получается, что душа человека представляет собой существо словесное и вечно движущееся, в себе самой жизнь заключающее и обладающее способностью сообщать ее телу, (Л. 384а) с которым она связана. Душа — самовластна. Восхищаешься силе, которая присуща ее скрытой природе и которую по различным внешним [проявлениям] следует наблюдать. И наука и искусство, как и всякая вообще деятельность и умозрение, со всей очевидностью свидетельствуют о бессмертии души и [дают возможность] судить о том, какова она и что представляет [собой]. Давший душам нашим среди прочего возможность вечно быть и находиться [вне мира], великим даром наделил и дар тот [определяет] природу души. Человеческих душ, владычица моя, — множество и до нас было без числа. Сколько их — знает Творец и Создатель всего. Как и других словесных существ тебе их не (Л. 384б) сосчитать, только Богу известно число, у которого и звезды сосчитаны и дождевые капли. И сущность и природа ангелов, как и душ, известна одному Богу, [который знает], что они собой представляют и сколько их.

Душа: Имеется у меня другой трудноразрешимый вопрос. Объясни мне следующее, рабыня, если сможешь. Из божественного Писания следует, что человеческие души невещественны, словесны и умны, [обладая] способностью познать, а еще бестелесны и тричастны [они], о чем и сама ты мне прежде говорила. Обладают они мышлением, влечением (желанием), да к тому же яростью и самовластием, а так же им присущи такие способности как (Л. 384в) мышление, понимание, вера, представление (воображение) и рассуждение. Одинаково ли тем [и другим душам] дарует [Бог способности], или понемногу дает от той или другой части [одному], а иного наделяет обильно. Получается, что одна [душа] превосходит другую славой, а та другая [может быть] чище и значимее прочих в добрых делах и умозрении. Хотела бы узнать какова природа тех [душ], подобны ли они друг другу во всем, или отличаются видом и обликом, если только позволительно о бестелесном говорить «облик» и «вид».

Плоть: Телам при жизни, госпожа, свойственны (Л. 384г) определенные телесные различия и изменения [схожих во многом между собою людей]. Вид и облик характеризуется такими отличиями: белизна или чернота [волос], округлость или удлиненность лиц, малый [рост], худощавость, а также сухость лица [и их противоположности]. К тому же, госпожа, [свои признаки имеют младенчество и старость], еще величина (рост), а так же пестрота. Когда же воспримут те тела нетление, в славный момент общего для всех воскресения, то будут [они], душа моя, обликом и видом, существом своим и природой такими же как прежде, кроме славы и чести, которые они заслужили своими трудами и благими делами, направляемые душой. Поэтому одна слава будет у одного, а другая у другого. (Л. 385а) Только в этом тел будут касаться изменения после воскресения в будущем веке. Ныне же все души Богом Вседержителем создаются и во всем подобны меж собою, госпожа. И таковыми они с телами соединяются и рождаются с ними [отличительных признаков] изменений не имея ни по облику, ни по виду. Друг от друга не отличаются своими существом и подобием, которыми все между собою равны. Хотя и приличествует о невещественном так говорить, не думай, что бестелесное имеет что-либо от телесных: ни расцветки какой-нибудь, ни образа никакого, ни веса собственного, ни сходства по трем параметрам (измерениям). (Л. 385б) Не понимай [буквально], когда о них [говорится так]. Знай только то, что каждая душа той добродетелью просветляется, которую заслужила своими трудами и потом добрых [дел], которые в этой жизни свершила, как прежде тебе сказала во втором слове, в конце седьмой главы. Из-за злобы [душа] помрачается и становится будто смердящая, если она неприлежна, нерадива, ленива и слаба. Каждая по своей склонности волеизъявлением избирает то, что [получит] по своим делам: или честь, или бесчестье, поскольку [она] самовластна и действует как хочет. То же [воздаяние] получают и тела каждой души. Существо же и вид души никто из людей не знает, но ведает только один Бог, Творец и Владыка.

(Л. 385в) **Душа:** И [в соответствие с тем], как ты учила о душах, рабыня, они не [могут] отличаться [друг от друга], но равны между собой, поскольку обладают для всех одинаковой трехчастностью, а кроме того способностями одинаковыми обладает каждая. Остальное так же должно быть одинаковым и каждый человек должен быть равен тогда другому разумом, смыслом, а вместе с тем и по возрасту, красоте и сроку жизни. Душа, как ей подобает, животворит [тело] и много делает другого доброго: питает, возвращает, украшает как ей пожелается и нравится. [Она] украшает его, веселит и делает это с радостью. Она владеет, направляет и движет [телом] и заставляет его делать так, как она хочет. То же самое касается речи, а также [разного] (Л. 385г) созидания

и действия. Что она захочет и где она захочет — все [свершается], поскольку без нее [тело] бездейственно и бездвижно. [Но именно] благодаря ей (душе) вижу многие различия в людях: один смысленый и разумный, а вместе с тем целомудрен, другой весьма премудр, тогда как третий скудоумен. Кто-то еще разными чувствами отличается от прочих: одни обладают острым зрением, а другие нет; одни [отличаются слабостью] слуха, а другие не развитым обонянием, в отличие от многих. Я уже не говорю о вкусах и осязании, которые бывают разными у разных людей. Во всем этом существует много расхождений. (Л. 386а) Один имеет приятный голос, а другой — отвратный, один косноязычный — другой заикающийся, третий — гнусавый, а есть еще бубнивый, бормочущий и мямля. А иной вообще немой и полностью безгласен. Кто-то имеет тонкий голос, а кто-то низкий. Вижу разных по росту людей: один низок, другой высок, третий средней [высоты]. Один обликом светел — другой черен, один плешивый — другой густоволосый, у одного уста смердящие — у другого благоуханные; у одних (Л. 386б) много вшей — у других нет; одни целомудренные — другие блудники; одни гневливы и впадают в ярость — другие с детства спокойные и кроткие; одни храбры и мужественны — другие боязливы и не обладают мужеством. Не буду перечислять многие признаки и качества, которые столь многообразны. Нет нужды об этом писать, дабы не затерялась в длиннотах слово мое. Но ты научи меня, где здесь истина. Души ведь, как ты сказала, во всем одинаковы у каждого. В действиях же их вижу неравенство. [Кажется, также должны быть тела одинаковыми], поскольку состоят они из четырех видимых стихий, (Л. 386в) будучи сотворенными из первоначал: горячего и холодного, мокрого и сухого, которые есть огонь, воздух, земля и вода. От них происходят [в человеке] желтая и черная желчь, а еще кровь и флегма, которые соответствуют тем [стихиам].

Плоть: Внимай, госпожа моя, разъяснению этого. [Его я предложу тебе] здесь. Сотворил Бог всю видимую тварь, а также невидимую, так, как только одному ему известно. Все от присущей [самим творениям] сущности было создано. Я имею в виду оба мира — горний и дольний. Один из них из материи [создан], другой от бестелесных [сущностей]. Знай, что вышнему миру свойственно бестелесное, а дольному (Л. 386г) воспринимаемые чувствами материальные тела. Не бывает в горнем материальных тел, а в дольном бестелесных [сущностей]. Один только человек сотворен был от двух сущностей: от природы бестелесной и материи, госпожа моя, [а именно] от горнего и дольного. Тело от дольного, душа же от горнего [миров]. От несуществующего до того вообще [Бог] чудесным образом создал четыре первоначала (стихии), а именно огонь, воздух, землю и воду. Земля суха и холодна, холодна и мокра вода, а воздух влажен и тепл, огонь же тепл и сух. (Л. 387а) От земли рождается черная желчь, которая суха и холодна, как и ее мать [земля]. От воды [рождается] холодная и мокрая флегма, от воздуха — кровь, влажная и теплая естеством, а от огня — желтая желчь, которая тепла и суха. Из них все тела наши (человеческие) составлены, (Л. 387б) а именно из желчи желтой и черной, а так же из крови и флегмы. Такова эта четверица. Как и сама, госпожа, немного выше говорила, от стихий [всякие] плоды образуются. Тела же животных состоят из четырех жидкостей. Этим же четверем (Л. 387в) первоначалам, как неким воеводам и колесничим, [Бог] дал особую область, которой сам хотел управлять, блюсти и окормлять. От них (первоначал), как от неких родителей, рождается все, что имеет телесную природу. В году так же четыре времени [сезонных] изменений: весна, лето, а еще к ним осень и зима. Весна [по своему признаку] влажна и тепла. Также тепло лето, которое по природному признаку бывает сухим. К этому [добавим], что осень

суха, а вместе с тем холодна. Зима же холодна и мокра по природе. Что касается разъяснения — об этом скажу тебе подробнее [и раскрою], что является истиной. Расскажу ниже в этом слове в главе шестой, насколько смогу это сделать. [Расскажу] о качествах их (первоначал), (Л. 387г) соответствующих [сезонному] времени. Теперь же обратимся к тому, что интересуется тебя и скажем кратко о них (первоначалах) то, что Бог подскажет. От этих четырех сезонов года зависят преобладание [той или иной из жидкостей] и качества всех тел. Количество крови увеличивается весной, желчи же летом, поскольку она суха и тепла. Это речь идет о желтой желчи. [Количество] же черной желчи осенью возрастает, а флегмы в зимнее время. В те четыре сезона годовые изменения происходят, когда изменяются пропорции [жидкостей] при циркуляции первоначал. (Л. 388а) От этого зависят прочие естественные причины [процессов], которые происходят в телах. И какая из тех четырех [жидкостей] преумножается (становится избыточной), в тот момент, когда случится совокупление и зачатие, та и оказывает определяющее (принудительное) влияние на душу. Если когда случится сочетание двоих [супругов], при котором соединяются растворенные жидкости, то от пропорций влаги и тепла зависят природные качества того, кто родится. Если среди стихий преобладает теплая, то появляется на свет красивый, мужественный и добродетельный [человек]; если холодная — холодный [нравом] любитель чистоты; если сухая — рождается суровый и грозный; а если влажная — то обжора, лентяй и [любитель] плотского. Подобно тому как (Л. 388б) Бог посредством видимых материальных творений являет свои силы и действия в небе, воздухе, солнце, луне, ветрах и дождях, а также на земле и в море, сам будучи совершенно невидимым, так же и душа, которая по образу его совсем невидима и незрима, посредством тела своего видимого собственные действия обнаруживает. Это истинно так. В головном мозге подобно постоянному жителю находится владыка ум, а также, любимая, силы его. Три из них главные: память, воображение и мышление. [Душа через ум] направляет и распоряжается (Л. 388в) действиями других своих телесных органов, подобно Богу, [действующему] в мире. Помыслы же свои [мы] заключаем (имеем) в сердце, желания — в печени, тогда как смех — в селезенке. Знай, [также], что дыхание связано с легкими, а размножение непосредственно с почками. К этому [добавим], что ярость и озверение [живут] непосредственно в крови, которая прилегает к сердцу. Познание, как тебе известно, связано с глазами. Язык дает ей (душе) говорить, уши — слышать. И вообще, над всеми частями и органами тела осуществляется свое (свойственное им) действие. Но поскольку сочетание (смешение) (Л. 388г) телесных [жидкостей] различно, то в зависимости от преобладающего качества одной из них, душа действует точно соответственно с этим. Расскажу тебе притчу и ты поймешь сказанное мною. Когда Бог с небес пускает воду на лицо земли, она, будучи единообразной, действует в мире по-разному. Над множеством различных деревьев и трав одна и та же повсюду [проливается] одна вода, но ведь каждое из растений или деревьев согласно своей природе ту влагу впитывают, преобразуя ее на свой вид, придавая ей определенный образ, размеры, окраску, придавая [воде] либо горечь, либо сладость; либо теплоту, либо холод. Согласно природным свойствам многие растения благовонны, тогда как иные не благовонны. У других запах резкий и терпкий, как у некоторых [растений]. И становится [вода], скажем, в лилии — белой, в розе — красной, в фиалке — багряной, а кроме этого в других цветах — фиолетовой, красной или синей. В маслине же она — масло, в виноградной лозе — вино. Она становится разной во всем, будучи единообразной. Ведь дождь не сам по себе изменяется и во многих видах проливается на землю, но устройением премудрым преобразуется приемлющими

его и, оказываясь в круговороте, поглощаясь [растениями], соответственно тому, как это (Л. 389б) требуется каждому из них, питает всех и растит как это подобает и полезные травы и сорняки, деревья плодовые и бесплодные, а так же многое другое. Скажем ли, что поскольку вода едина, то созданиям травным и древесным следует быть одинаковыми, а не так, что одни такие, а другие иные по образу, размеру, цвету? [Следует ли им иметь одинаковое] устройство и [признаки]: ни сладкий и ни горький, ни горячий ни холодный, [другими словами] быть единовидной как та (вода)? Если кто подумает [так], не посчитаю мудрым того, но назовем того безумным и заблуждающимся. Так же как я [рассуждаю], представляй себе и [то, что можно сказать] о душах, госпожа. (Л. 389в) [Они] помещаются в тела и сливаются (соединяются) с ними, [они] дают им жизнь, питают их и растят. Свойственное им (телам) качества и природу, какие присущи телесному, они никоим образом не изменяют, касается ли это [таких признаков] как тепло, холод, влажность, сухость или иных подобных, а еще [таких телесных свойств] как благоухание или зловоние, белизна или смуглость, безобразие или красота. Не получили [души] на то силы и власти, а все, что касается составов [человеческого тела] зависит от промысла Божия. Если все четыре стихийных первоначала [в человеке], а именно кровь, флегма, желтая и красная желчь, растворены соразмерно и хорошо сочетаются между собой, не превышая допустимой меры, то (Л. 389г) нет между ними войны, в которой одно многократно и злобно встает на другое ради умножения, или по причине оскудения [своего]. Но если они живут в мире друг с другом, о госпожа, тогда полностью тело здорово, а утонченные и уязвимые чувства невредимы и как положено сообщаются с головным мозгом. [В таком случае] нет вреда чувствам, а здоровью [человека] ничего не угрожает и он пребывает невредимым. Как части целого и все внутренние органы [невредимы]. Назовем среди внутренностей сердце, селезенка, легкие, печень, желудок и прочие. В этих случаях душа действует сообразно ее природе, являя в теле (Л. 390а) присущие ей силы. Если дыхание чистое (здоровое), разум не поврежден и поведение без отклонений, а [сам человек] приятен и радостен, то в этом проявляются качества бессловесной части души. А если по какой-либо причине телесные органы поражаются немощью (болезнью), то душа не имеет возможности действовать присущим ей способом (согласно ее природе). Расскажу тебе притчу и тогда поймешь то, что было сказано. Как тебе известно, великое солнце — одно, но ему присущи два великих действия, которые ему изначально были предназначены [Богом]: светить и обогревать. Поэтому все земное пространство оно освещает и греет. На земле же много различных полей, долин, всхолмлений, гор и излучин [речных]. В тех местах, где (Л. 390б) воздух чист — [солнце] сияет блистая. В таких условиях оно греет и светит, как предназначено [было свыше]. А в тех местах, где мгла, туман, дым или черные тучи, не пропускающие света, там и вовсе [солнце] не сияет и не греет, либо светит приглушенно, заслоняемое теми [препятствиями]. Но нет претензий к солнцу, оно не повинно в том, что перекрываются его лучи. [В этой притче] понимай мир как тело, города и страны — как чувства и внутренние части (органы) [человека] — туман, мглу и бурю — как телесные недуги, а светлейшее солнце — как душевные силы. По подобию составь представление, как (Л. 390в) души [влияют на тело]. Где тела здоровы, [а составляющие их стихийные начала] растворены соразмерно, где [тела] не немощны и ничем не расслаблены их внутренние и внешние органы, там душа действует непосредственно в соответствии со своей природой, как это в [данном] слове было показано выше. При отсутствии таких [условий], владычица, [все происходит] не так, а иначе. Человек может быть либо безумным, либо смышле-

ным; [кроме того] либо целомудренным и разумным или блудником, а еще [может быть] и гневливым, и яростным, и кротким, и тихим, наконец, благоразумным, рассудительным, или безрассудным. Не думай, что Бог все так устраивает: одного человека наделяет высокими и лучшими дарованиями, (Л. 390г) и благодетельствуя одному человеку больше, чем другому, иному дает непотребные и худшие [качества]. Это не верно и враждебно [Писанию]. Если это происходит по воле Христа моего и равным неравное подается, тогда несправедлив [Господь]. Остерегайся, госпожа, таковых нелепостей. Когда в начале [творения] солнцу было предназначено светить и согревать, земле [повелено] рождать из семян растения, а садам давать плоды малые и великие, [или, говоря по-другому], действовать каждому согласно своей природе, то прежде чем [Творец] дал начало [этому и] всему остальному, он [привел из небытия в бытие] четыре материальных первоначала. Их смешение и превращение (Л. 391а) — основа того, что образуется, увеличивается в размерах и разрушается по его (Творца) воле и промыслительно. Как известно, ничто не происходит без промысла, ничто [не остается] без попечения Божия. Чтобы быть всему причастным и [все предопределять], за всем наблюдает око его неусыпное, за всем стоит Бог, промышляя о всех [свершающихся в мире] делах и воздавая каждому по заслугам, по поведению и доброте. Если только один Бог премудр и благ по естеству своему, то чтобы он мог проявлять свою благость, следует ему промышлять о всех. Для того, чтобы проявлять свою премудрость он премудро печется обо всех и промышляет, будучи причастным ко всему. Если бы он не промышлял, то не был бы благ, (Л. 391в) а к тому еще не добр и не премудр. А так как промысел его распространяется на все, что существует, то [все] оказывается под его заботой и попечением. О будущем мы ничего не знаем вообще, а только внимательно наблюдаем за настоящим, поэтому здесь о происходящем не беремся судить в той полноте, которая требуется для [ясности]. Для Бога же будущее как настоящее. Оно открыто только одному ему, а как он судит о том, лишь только ему ведомо. Нам же судьбы его не известны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Безобразова М. В.* Заметки о Диоптре // Журнал министерства народного просвещения. 1893. № 11. С. 27–47.
- 2 *Безобразова М. В.* Послание митрополита Никифора // Известия отделения русского языка и словесности. 1908. Т. III, № 4. С. 1080–1085.
- 3 «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья / изд. подг. Г. М. Прохоров, Х. Миклас, А. Б. Бильдюг. М.: Наука, 2008. 733 с.
- 4 *Прохоров Г. М.* «Диоптра» Филиппа Пустынника — «Душезрительное зеркало» // Русская и грузинская средневековые литературы. Л.: Наука, 1979. С. 143–166.

© 2018. Vladimir V. Milkov
Moscow, Russia

**THE ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF “DIOPTRA”
BY PHILIP MONOTROPOS: ONTOLOGICAL ORIGINALITY**

Abstract: The author focuses on the anthropological problems in “Dioptra” by Philip Monotropos. This treatise contains the postulates, reflecting the influence of christianized Neoplatonism. From this perspective, Philip does not consider the body and soul as antagonistic principles but regards the two-part nature of man as a harmonious unity. The author also illustrates the influence of humoral theory on anthropological subjects of “Dioptra” allowing conclusions that Philip Monotropos was not a supporter of the conception of free will and interpreted the problem of moral choice from the position of determinism. “Dioptra” also contributed to the respect for the individual, quite rare fact in Christian booklore, influencing the formation of the national consciousness in the age of the battle of Kulikovo. Extracts from the 5th word of “Dioptra” are provided in the appendix.

Keywords: Ancient Russia, Religious philosophy, anthropology, Dioptra, Philip Monotropos, Christianized Neoplatonism.

Information about author: Vladimir V. Milkov — DSc in Philosophy, Chief Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St., 12/1, 109240 Moscow, Russia. E-mail: dr_milkov@mal.ru

Received: October 10, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Bezobrazova M. V. Zametki o Dioptra [Notes about Dioptra]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1893, no 11, pp. 27–47. (In Russian)
- 2 Bezobrazova M. V. Poslanie mitropolita Nikifora [Message of the metropolitan Nikifor]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*, 1908, vol. III, no 4, pp. 1080–1085. (In Russian)
- 3 “Dioptra” Filippa Monotropa: antropologicheskaya entsiklopediya pravoslavnogo Srednevekov'ya [“Dioptra” of Philip Monotropos: anthropological encyclopaedia of the orthodox Middle Ages], the publication was prepared by G. M. Prokhorov, Kh. Miklas, A. B. Bil'dyug. Moscow, Science Publ., 2008. 733 p. (In Russian)
- 4 Prokhorov G. M. “Dioptra” Filippa Pustynnika — “Dushezritel'noe zertsalo” [“Dioptra” by Philip Monotropos — “Mirror of souls”]. *Russkaya i gruzinskaya srednevekovye literatury* [Russian and Georgian medieval literatures]. Leningrad, Science Publ., 1979, pp. 143–166. (In Russian)